

Тихомиров П. В. Почетный член Московской Духовной Академии заслуженный профессор Павел Иванович Горский († 21 октября 1904 г.) // Богословский вестник 1905. Т. 1. № 1. С. 157–178 (2-я пагин.).

ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Почетный членъ Московской Духовной Академіи заслуженный профессоръ Павелъ Ивановичъ Горскій-Платоновъ († 21 октября 1904 г.).

21 октября сего 1904 года въ 10 часовъ вечера въ своемъ домѣ въ Сергіевскомъ посадѣ скончался, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, на 70-мъ году своей жизни заслуженный профессоръ Московской Духовной Академіи и ея почетный членъ Павелъ Ивановичъ Горскій-Платоновъ¹⁾. Покойный принадлежалъ къ числу даровитѣйшихъ питомцевъ старой Академіи, т. н. „платоновцевъ“ и, какъ таковой, немедленно-же по окончаніи курса (1858 г.) былъ оставленъ при Академіи бакалавромъ. Съ самаго начала своей профессорской дѣятельности и до конца службы онъ принадлежалъ къ числу блестящихъ преподавателей и энергичнѣйшихъ дѣятелей Академіи. Помнящій традиціи Филаретов-

¹⁾ П. И. Горскій родился 2 января 1835 года. Среднее образованіе онъ получилъ въ Видавской Духовной Семинаріи, а высшее—въ Московской Духовной Академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1858 году первымъ магистромъ. Съ 19 августа того же 1858 года онъ былъ оставленъ при Академіи бакалавромъ. Въ 1859 году 10 февраля утвержденъ въ ученое званіи магистра богословія. Съ 4 из октября 1867 года состоялъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ Еврейскаго языка и Библейской археологіи. Съ 28 апрѣля 1878 года по 17 октября 1886 года былъ инспекторомъ Академіи. Съ 7 ноября 1883 года—заслуженный экстраординарный профессоръ. Съ 1 января 1892 года по 5 апрѣля 1893 года — редакторъ академическаго журвала „Богословскій Вѣстникъ“ Въ 1895 г. П. И. оставилъ академическую службу. Съ 1899 года онъ былъ Почетнымъ Членомъ Академіи.

ской эпохи и лично большой почитатель учебныхъ и педагогическихъ идей знаменитаго Московскаго святителя, онъ не оставался чуждъ и всему новому, что нарождалось съ измѣнявшимися временами и открывавшимися новыми горизонтами, потребностями и запросами. Онъ оставилъ академическую службу, пробывъ на ней 37 лѣтъ, и однако онъ уходилъ совершенно свѣжимъ человѣкомъ, сохранившимъ всѣ научные, общественные, литературные и политическіе интересы столь-же живо, какъ немногіе изъ его сравнительно гораздо младшихъ сослуживцевъ. Глубокій специалистъ своего предмета (Еврейскій языкъ и Библейская археологія), онъ имѣлъ громаднѣйшій успѣхъ въ аудиторіи и производилъ большое впечатлѣніе въ широкихъ кругахъ читающей Россіи своими, правда, довольно не многочисленными, но составленными съ замѣчательнымъ знаніемъ дѣла, большимъ одушевленіемъ и всегда съ элементомъ острой и даже ядовитой критики, литературными трудами. Перу покойнаго принадлежатъ слѣдующія сочиненія.

1. „Іерусалимъ въ настоящую минуту“. (Статья ¹⁾) Спб. Вѣдом. 1863 г. № 9). *Прибавленія* къ изданію твореній святыхъ отцевъ, въ рускомъ переводѣ за 1863 годъ, ч. XXII. 60—78.

2. Разборъ ученія Дарвина о происхожденіи видовъ въ царствахъ животномъ и растительномъ. Статья Фрошаммера ²⁾ въ *Athenäum* 1862 г. 1 В. 3. Negt. *Ibid.* за 1864 годъ, ч. XXIII, 245—354.

3. Описаніе святой земли: Названія святой земли. Величина святой земли. Общій видъ страны. Горы (Ливанскія). *Душеполезное Чтеніе* 1866 г., ч. III, № 12, 319—332; Горы на западъ отъ Іордана. 1867 г., ч. I, № 1, 43—69; 1869 г., ч. II, № 6, 97—112.

4) Псалмы въ рускомъ переводѣ ³⁾ (76—150). *Ibid.* 1868 г.

¹⁾ Г. Берга.

²⁾ Переводъ статьи.

³⁾ 75 Псалмовъ въ рускомъ переводѣ, изданномъ въ 1822 г. Библейскимъ Обществомъ и исправленномъ особымъ Комитетомъ при Московскои Духовнои Академіи въ 1865 г. подъ наблюденіемъ Московскаго митрополита Филарета. О степени участія П. И. Горскаго въ этой работѣ и методахъ ея см. въ статьѣ Н. Н. Корсунскаго: Труды Москов. Дух. Академіи по переводу Св. Писанія и твореній св. Отцевъ на русскій

ч. I, № 1, 1—16; № 2, 17—32; № 4, 33—48; ч. II; № 5, 49—64 (въ приложеніи).

5) Исторія Тридентскаго собора. *Чтенія* въ Московскомъ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія 1866 г. кн. 5. 1—104; 1869 г. кн. 6, 105—215 (въ приложеніи).

6. О трудахъ архимандрита Михаила¹⁾. (Библейская письменность каноническая, неканоническая и апокрифическая (Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія 1872 г. кн. 1 и 2). Библейскій канонъ священныхъ книгъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ (тамъ же, кн. 3 и 4). Толковое Евангеліе. кн. 1, изд. 1870. Толковое Евангеліе. кн. 2, изд. 1871 г.). *Православное Обзорѣніе* 1873 г. Полугодіе I. № 2, 289—310; № 4, 658—693.

7. Нѣсколько словъ о статьѣ Преосвященнаго Епископа Феофана²⁾: По поводу изданія священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта въ русскомъ переводѣ“ (Душеп. Чтеніе 1875 г. ч. III, № 11). *Ibid.* 1875 г. т. III, № 11, 505—540.

8. О недоумѣніяхъ, вызываемыхъ русскимъ переводомъ св. книгъ Ветхаго Завѣта. *Ibid.* 1877 г. т. I, № 1, 69—104 (статья 1-я); № 2, 260—284 (статья 2-я); № 4, 681—702 (статья 3-я).

9. Псалтирь въ новомъ славянскомъ переводѣ Амвросія³⁾ Архіепископа Московскаго⁴⁾. *Ibid.* 1878 г. т. I, № 1, 1—16; № 2, 17—32; № 3, 33—64; т. II, №№ 5—6, 65—128; № 7, 129—160; № 8, 161—192 (въ приложеніи). Отдѣльно—Изданіе редакціи „Православнаго Обзорѣнія“. Москва. Въ Унив. тип. 1878. Стр. 192.

10. О еврейской рукописи Пятокнижія изъ XII вѣка⁵⁾.—Славянская Псалтирь XVIII вѣка, переведенная съ еврейскаго⁶⁾. Двѣ замѣтки⁷⁾. *Труды* 3-го международнаго съѣзда

языкъ за 75 лѣтъ (1814—1889) ея существованія въ Прибавленіяхъ къ Твор. св. отецъ за 1889 г. ч. XLVI, стр. 564—587, и за 1890 г. ч. XLV, стр. 356—405.

¹⁾ Лузина, † еп. Курскимъ 20 Марта 1887 г.

²⁾ Говорова, † 6 Января 1894 г.

³⁾ Зертись—Каменскаго, † 16 Сентября 1771 г.

⁴⁾ Съ введеніемъ и примѣчаніями П. И. Горскаго.

⁵⁾ Библіотеки Москов. Духов. Академіи.

⁶⁾ Амвросіемъ Зертись—Каменскимъ, см. № 9.

⁷⁾ Эти замѣтки представляютъ два доклада на съѣздѣ, на которомъ П. И. Горскій былъ делегатомъ отъ Москов. Дух. Академіи.

орьенталистовъ въ С.-Петербургѣ 1876 г. Томъ 1-й подъ редакцію В. В. Григорьева. Спб. 1879—1880, стр. 591—594.

11. Народная біблія во времена Христа Спасителя. Рѣчь, произнесенная на публичномъ актѣ Московской Духовной Академіи, 1-го Октября 1880 г. *Прибавленія* къ изданію твореній святыхъ отцевъ, въ русскомъ переводѣ за 1880 г., ч. XXVI, 1070—1085; перепечатана а) въ книгѣ: *Годичный актъ* въ Московской Духовной Академіи 1-го Октября 1880 г. Москва, 1880, стр. 7—22, и б) въ *Православномъ Обзорѣніи* 1880 г., т. III, № 10, 363—375.

12. Рѣчь на могилѣ И. С. Аксакова. *Православное Обзорѣніе* 1886 г., т. I, № 3, 619—620.

13. Вторая книга Моисея „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями ¹⁾. *Вѣра и Разумъ* 1890 г. церковный отдѣлъ— т. I, ч. I, № 1, 16—34; № 3, 115—133; № 5, 253—273, № 7, 373—397; № 9, 513—531; № 11, 625—651; ч. II, № 14, 57—72; № 17, 269—282; № 18, 337—357; № 21, 534—554; № 22, 579—597; № 24, 707—721; 1891 г., ч. I, № 2, 73—94; № 6, 327—344; № 10, 563—576; № 11, 617—636; ч. II, № 13, 1—21.

14. Объ употребленіи печатнаго слова. *Богословскій Вѣстникъ* 1892 г. т. I, № 1, 115—120; № 3, 532—544.

15. По поводу неурожая. *Ibid.* 1892 г. т. I, № 1, 121—126.

16. Непротивленіе злу. *Ibid.* 1893 г. т. I, № 1, 165—168.

17. Систематическій указатель литературы о евреяхъ на русскомъ языкѣ со времени введенія гражданскаго шрифта (1708 г.) по Декабрь 1889 г. Спб. 1892. Рецензія. *Ibid.* 1893 г. т. I, № 3, 612—614.

18. Уваженіе къ закону. *Ibid.* 1893 г. т. I, № 1, 129—138.

19. Антука. Очеркъ изъ быта духовенства. Сергіевъ Посадъ. 2-я тип. А. П. Снегиревой. 1894. Стр. 50. 50 коп.

20. Орывки изъ „Скорбной Лѣтописи“ городского головы. Выпускъ 1-й ²⁾. Сергіевъ Посадъ. 2-я тип. А. П. Снегиревой. 1894. Стр. 31. 30 к.

¹⁾ Трудъ не былъ оконченъ; послѣдней переведена и объяснена глава 32-я.

²⁾ Разсказъ 1-й. Достоверная повесть о томъ, какъ городской голова въ походы ходилъ на выручку четвертаго арифметическаго дѣйствія именуемаго дѣленіемъ, и какъ онъ возвратился „тощъ“.

21. Голосъ стараго профессора по дѣлу профессора А. П. Лебедева съ покойнымъ профессоромъ о. протоіереемъ А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ съ приложеніемъ статьи „Изъ наблюденій стараго профессора“. Москва. Типо-лит. Т-ва Н. Н. Кушнеревъ и К^о. 1900. Стр. 173. 1 р. 25 к.

Съ 1884 г. по 1891 г. П. И. Горскій принималъ участіе въ редактированіи академическаго журнала: „Прибавленія къ изданію твореній св. отцевъ въ русскомъ переводѣ“; а съ 1 Января 1892 г. по 5 Апрѣля 1893 г. состоялъ редакторомъ „Богословскаго Вѣстника“.

Принимая также участіе въ редактированіи русскихъ переводовъ святоотеческихъ твореній, издаваемыхъ Московской Духовной Академіей, П. И. Горскій и самъ занимался этими переводами ¹⁾; работы его въ этой области не поддаются учету, равно какъ не поддаются учету а) разсѣянные по Журналамъ Совѣта Московской Духовной Академіи данные имъ въ разное время по порученію Совѣта отзывы о сочиненіяхъ, представленныхъ въ Совѣтъ или на соисканіе ученыхъ степеней, или, по порученію Высшаго Начальства, для отзывовъ; и б) статьи, печатанныя имъ въ газетахъ.

Не можемъ мы еще вполне разъяснить найденнаго нами въ Отчетѣ Московской Духов. Академіи за 1871—1872 г. ²⁾ такого свѣдѣнія: „П. Горскій занимался составленіемъ еврейскаго лексикона, нѣсколько листовъ котораго уже напечатано“. Начатый печатаніемъ лексиконъ П. И. Горскаго въ свѣтъ не вышелъ, но почему, это остается неизвѣстнымъ ³⁾.

Въ воспитательной дѣятельности Академіи Павелъ Ивановичъ оставилъ крупный слѣдъ 8½ лѣтнимъ инспекторствомъ. Много и въ эту дѣятельность было внесено имъ особенностей, обусловливавшихся чертами, присущими его крупной, оригинальной и кипучей индивидуальности. Воспоминанія питомцевъ Академіи за время его инспекторства (1878 — 1886 гг.) полны всевозможныхъ, всегда живыхъ и иногда окрашенныхъ субъективной страстностью, разсказовъ о немъ

¹⁾ См. его Автука, стр. 36.

²⁾ См. Приб. къ твор. св. отцевъ за 1872 г., ч. XXV, стр. 482.

³⁾ Изъ матеріаловъ для Библиографическаго Словаря Трудовъ воспитанниковъ Московской Духовной Академіи. Перечень этихъ трудовъ составленъ бібліотекаремъ Академіи К. М. Поповымъ.

и его разныхъ отношеній къ студентамъ и столкновеніяхъ съ ними.

Свой темпераментъ, умъ и энергію покойный вносилъ во всѣ жизненныя и общественныя отношенія, въ которыхъ такъ или иначе выступалъ. Особенно памятной для жителей Сергіевского посада и всѣхъ знавшихъ Павла Ивановича должна остаться его дѣятельность въ качествѣ уполномоченнаго и головы Сергіево-посадской думы. Маленькій масштабъ общественныхъ интересовъ и дѣлъ довольно захолустнаго и мѣщанскаго посада онъ какъ то сумѣлъ для себя такъ осмыслить и взять въ такомъ общемъ и принципиальномъ освѣщеніи, что отсюда какъ-то сами собой рождались проекты реформъ, имѣвшихъ уже всероссійское значеніе. Критика мѣстныхъ посадскихъ дѣлъ, отношеній и порядковъ всегда приводила его къ оцѣнкѣ общихъ государственныхъ и социальныхъ условий, на почвѣ которыхъ возможно то, что у насъ вообще возможно. Этой сторонѣ своей дѣятельности П. И. посвятилъ нѣсколько небольшихъ, но замѣчательныхъ по тону и литературнымъ приѣмамъ печатныхъ работъ, представляющихъ весьма своеобразную смѣсь ѣдкой сатиры во вкусѣ Щедрина съ искренней и столь чуждой Щедрину, чисто идеалистической вѣрой въ возможность врачеванія общественныхъ золъ путемъ дружной и согласной работы (напомнимъ здѣсь хотя-бы его проекты всероссійскаго взаимнаго страхованія и организаціи финансоваго контроля)... По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ врагомъ бюрократіи, горячимъ поклонникомъ общественной инициативы въ государственныхъ дѣлахъ и, въ связи съ этимъ, свободой печатнаго слова, борцомъ за принципъ законности, столь часто приносимый въ жертву чиновничьему произволу. Все это какъ-то особенно сближало его съ молодежью изъ среды его академическихъ сослуживцевъ. До послѣднихъ годовъ своей жизни онъ оставался молодъ и свѣжъ душой. Только за два года до смерти тяжкая и неизлѣчимая болѣзнь сломила этого неутомимаго человѣка.

Для нашего академическаго журнала, „Богословскаго Вѣстника“, имя П. И-ча навсегда останется памятно, какъ его основателя и перваго редактора. Мысль о замѣнѣ трехмѣсячнаго изданія „Прибавленій къ твореніямъ святыхъ Отцовъ“ ежемѣсячнымъ журналомъ летѣялась П. И-чемъ давно,

но не могла осуществиться по разнымъ причинамъ. Только въ 1892 году, благодаря энергичной поддержкѣ бывшаго ректора нашей Академіи, архимандрита (нынѣ епископа Волынскаго) Антонія Храповицкаго, П. И. чу удалось увидѣть рожденіе академическаго ежемѣсячника и стать его руководителемъ. Недолго онъ пробылъ редакторомъ и оставилъ это дѣло по обстоятельствамъ,—надо правду сказать,—отчасти и отъ него зависѣвшимъ, хотя и почти неизбѣжнымъ по свойствамъ его темперамента и характера. Но онъ всегда оставался искреннимъ благодетелемъ своего дѣтища. Припоминается намъ, какъ въ бытность Московскимъ митрополитомъ Сергія (Ляпидевскаго), вообще очень мало расположеннаго къ академическому журналу, П. И. былъ сильно озабоченъ судьбою журнала и настойчиво совѣтовалъ возможную умѣренность и сдержанность, лишь-бы не дать повода посягнуть на самое существованіе академическаго органа.

Разностороння и всегда кипуча была дѣятельность покойнаго Павла Ивановича. Не розами былъ усѣянъ его жизненный путь; и проходилъ онъ его, не всегда воздерживаясь отъ уколовъ самолюбію окружавшихъ и соприкасавшихся съ нимъ людей;—не удивительно поэтому, если личныя впечатлѣнія отъ него у разныхъ людей окажутся разными до противоположности. Но вотъ что, мы полагаемъ, уже никто и ни въ какомъ случаѣ не рѣшится оспаривать, — что это былъ вполнѣ достойный своего высокаго ученаго званія профессоръ, большого и оригинальнаго ума человѣкъ и замѣчательный энергіи дѣятель, независимо отъ того, на что и какъ направлялась эта энергія. А если сюда еще прибавить, — и это будетъ также безусловно справедливо, — что онъ горячо любилъ духовное сословіе и нашу духовную школу и искренно гордился послѣднею, то его право на благодарную и сочувственную память въ „своемъ“ (духовномъ) кругу перестаетъ нуждаться въ какомъ-либо доказательствѣ ¹⁾.

¹⁾ Мы не касались личной и семейной жизни покойнаго Павла Ивановича, потому что мало ее знали, но насколько можемъ судить и какъ открывается изъ нѣкоторыхъ помѣщаемыхъ ниже рѣчей, онъ былъ образцовый семьянинъ и воспитатель своихъ дѣтей.

Погребеніе покойнаго профессора было совершено 25 октября, согласно его завѣщанію, на академическомъ кладбищѣ. Утромъ 25-го тѣло почившаго было вынесено въ академическій храмъ. Божественную литургію и отпѣваніе совершилъ Ректоръ Академіи Преосвященный Епископъ Евдокимъ въ сослуженіи академическаго духовенства и нѣкоторыхъ священниковъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы почтить память умершаго. Во время заупокойной литургіи и отпѣванія были произнесены слѣдующія рѣчи.

Рѣчь п. д. доцента Московской Духовной Академіи Е. А. Воронцова.

Ты войдешь въ гробъ въ зрѣлости, какъ укладываются снопы пшеницы въ свое время (Іов. 5, 26).

Вотъ слова Елифаза къ Іову о кончинѣ человѣка, вразумляемаго Богомъ и не отвергающаго наказанія Вседержителя (Іов. 5, 17). Почившій, хотя бы наша преданность къ нему и желала для него еще долгой и долгой жизни, все же отошелъ въ день свой не такъ, какъ иногда виноградная лоза сбрасываетъ недозрѣлую ягоду, или какъ маслина порою стряхаетъ цвѣтъ свой (Іов. 15, 32 и 33). Надъ нимъ исполнилось то, чего желалъ Іовъ себѣ: въ гнѣздѣ моемъ скончаюсь (Іов. 29, 18),—къ нему, уповаемъ, будетъ относиться и изреченіе ветхозавѣтнаго мудреца о посвящающемъ душу свою размышленію о законѣ Всевышняго: когда почіеть, увеличить славу свою (Сирах. 39, 14). Я не буду говорить о долголѣтней общественной дѣятельности почившаго, объ его достоинствахъ семьянина,—коснусь только его наставничества въ Академіи. Въ мое кратковременное знакомство съ почившимъ я могъ узнать его главнымъ образомъ съ этой стороны, какъ его ученикъ, и всѣ мои послѣдующія бесѣды съ Павломъ Ивановичемъ касались почти исключительно научныхъ вопросовъ изъ области его специальныхъ знаній. Это время нашего знакомства было уже хмурымъ вечеромъ въ трудовомъ днѣ почившаго,—нашъ курсъ слушалъ его лекціи въ послѣдній годъ его Академической службы. Немногочисленны были его слушатели, студенты не истирали порога его аудиторіи, но за то сюда шли только желающіе энергично работать. Почившій любилъ задавать вопросы слу-

шателямъ, спрашивалъ студентовъ, какъ учениковъ въ средней школѣ, по списку, отмѣчалъ у себя въ списокѣ достоинство отвѣтовъ, намѣчалъ урокъ для слѣдующаго лекціоннаго часа, однимъ словомъ онъ принуждалъ дѣлать первые шаги неофитовъ семитологической науки и тѣмъ давалъ своимъ слушателямъ широкую возможность достиженія дальнѣйшихъ знаній путемъ самостоятельныхъ занятій за предѣлами года, въ который читаются лекціи по еврейскому языку. Почившій былъ хорошимъ учителемъ: весь богатый запасъ своихъ знаній онъ открывалъ передъ нами, знаній далеко незаурядныхъ, ибо Павелъ Ивановичъ былъ изъ числа тѣхъ, которые уже до сѣдины нашли мудрость (Сирах. 6, 18). Въ области своей специальности почившій былъ эмпирикъ: онъ болѣе знакомилъ съ текстомъ Библии, чѣмъ съ отвлеченными положеніями семитологической науки, но давая огромный фактической матеріалъ, его лекціи облегчали самостоятельные экскурсы его слушателей въ область сравнительнаго языкознанія. Почившій преподавалъ грамматику еврейскаго языка, но не слѣдуетъ думать, что это былъ классъ сухой, безжизненный, что это была лабораторія, гдѣ анатомировали мумію мертваго языка,—почившій былъ и глубокимъ эстетомъ: онъ живо чувствовалъ и отмѣчалъ намъ на лекціяхъ красоты стиля ветхозавѣтныхъ книгъ, ихъ неподражаемый тропологическій языкъ, и мертвыя формы древне-еврейскаго языка оживали для насъ едва-ли не въ своей прежней свѣжести и силѣ, могучія, какъ Фисонъ и Тигръ въ дни новинъ (Сирах. 24, 27). Но и открывая намъ образность библейскаго языка, почившій былъ сторонникомъ точнаго вербального перевода,—онъ помнилъ слова мудреца: Не прибавляй къ словамъ Божіимъ, чтобы Онъ не обличилъ тебя (Сирах. 30, 6). Почившій любилъ свой предметъ,—объ этомъ свидѣтельствовали не только его длительныя лекціи, но и его сугубый интересъ къ успѣхамъ слушателей, каждому изъ насъ было ясно, что Павелъ Ивановичъ обращаетъ вниманіе на ростъ нашихъ филологическихъ познаній; одинъ изъ насъ, бывшій вольнослушатель Академіи, старецъ въ преклонныхъ годахъ, особенно умилялъ Павла Ивановича своимъ соревнованіемъ съ юношами. Я не дерзну сказать, чтобы знанія слушателей Павла Ивановича умножались, подобно нисходящей съ горъ лавинѣ, но не скажу, чтобы онъ сѣялъ въ песокъ и

терніе. Онъ питалъ насъ хлѣбомъ разума и поилъ водою мудрости, приступалъ къ намъ, какъ пашущій и неутомимо сѣющій, и всходы были очевидны. Почившій былъ настойчивъ въ преподаваніи: онъ утромъ сѣялъ сѣмя свое и вечеромъ не давалъ отдыха рукъ своей. Я далекъ отъ того, чтобы у гроба своего наставника, уже отошедшаго къ вѣчному Судіи, представлять его Академическую дѣятельность, какъ всесовершенную,—нужно помнить, что только къ дѣламъ Бога нечего прибавить и отъ нихъ нечего убавить (Екклес. 3, 14), но я вѣрю, что всѣ слушатели Павла Ивановича всегда подтвердятъ, что онъ стремился преподавать намъ ученіе обдуманное и знаніе точное (Сирах. 15, 25), что его душевная нива, поскольку она открывалась намъ, не походила на поле челоуѣка лѣниваго, гдѣ все заросло терномъ и покрылось крапивою, гдѣ и самая ограда обрушилась. Рѣчь покойнаго была проста и дышала дѣловитостью, его слова были золотыми яблоками въ прозрачныхъ сосудахъ,—по-истинѣ онъ старался наполнить нащъ душевный домъ драгоценнымъ и прекраснымъ имуществомъ, и это было уже въ томъ возрастѣ почившаго, когда онъ вступалъ въ дни, о которыхъ говоритъ челоуѣкъ: нѣтъ мнѣ удовольствія въ нихъ (Екклес. 12, 1).

Что же было въ лучшую пору расцвѣта физическихъ и духовныхъ силъ почившаго!—Мы, его послѣдніе ученики, уже видѣли потъ на его челѣ послѣ полдня его ученой работы. И на своемъ *покоѣ* по оставленіи Академической службы Павелъ Ивановичъ не былъ спящимъ среди житейскаго моря (Притч. 23, 34): онъ искалъ общественной дѣятельности, хотѣлъ поддерживать бытъ житейскій, но много замысловъ въ сердцѣ челоуѣка, а состоится только опредѣленіе Господа (Притч. 19, 21). Челоуѣкъ обдумываетъ свой путь, но Богъ управляетъ шествіемъ его (Притч. 16, 4).

— Теперь почившій во истину успокоился, вошелъ въ свою субботу, предъ нами только земная хранина изъ брениа, гдѣ обиталъ его духъ, многопросвѣщенный и трудолюбивый, нынѣ отошедшій къ Отцу всѣхъ и Господу. Писаніе увѣщаетъ насъ пролить слезы по покинушемъ землю: Плачь надъ умершимъ, ибо свѣтъ исчезъ для него (Сирах. 22, 9), но въ наше утѣшеніе, уповаю, почившій могъ бы вѣщать, какъ и ветхозавѣтный мудрецъ: Я бодрственно потрудился

въ собраніи винограда и по благословенію Господа успѣль и наполниль точило. Поймите, что я трудился не для себя одного, но и для всѣхъ ищущихъ наставленія... (Сирах. 33, 15—17). Онъ оставилъ наслѣдство—не только домъ въ этой веси для родныхъ, но и для всѣхъ насъ—наслѣдство духовное, примѣры своей учено-учебной работы. Это—знаменательный слѣдъ его обильной днями жизни. Въ дни давно минувшіе одинъ еврейскій наставникъ сказалъ: Блаженны дѣти Іафета, если они придутъ въ шатры Сима (Megilla Jerus). Предъ нами славянинъ русскій, вошедшій въ шатры Сима, сдѣлавшій себѣ изъ нихъ не временный этапъ на своемъ ученomъ поприщѣ, но пребывшій въ нихъ до конца своей учено-учебной дѣятельности. О если бы этотъ примѣръ Павла Ивановича вдохновилъ молодыхъ богослововъ дарить свое вниманіе древне-еврейскому языку! На деревѣ одни листья спадаютъ, другіе вырастаютъ: — о если бы древо семитологической науки не оставалось никогда въ нашемъ отечествѣ безлистнымъ!

— Почившій въ своемъ дѣланіи имѣлъ, конечно, и скорби, хотя бы и отъ учениковъ своихъ, но по слову Псалмопѣвца, съ плачемъ несущій сѣмена возвратится съ радостію, неся снопы свои (пс. 125, 6). Всѣмъ своимъ видомъ почившій являлъ человѣка, пути котораго не обливаются молокомъ, и для котораго скалы не источаютъ ручьевъ елея (Іов. 29, 61). но, вѣримъ, что и проходя узкою стезею, Павелъ Ивановичъ открывалъ въ своихъ ученыхъ трудахъ и педагогической работѣ цѣльбоносные источники въ пустынѣ людской (ис. 83, 7). Теперь все это *mi moude*, онъ въ домѣ собранія всѣхъ живущихъ (Іов. 30, 23), онъ приложился къ народу своему (Быт. 49, 33). Въ этотъ домъ молитвы онъ уже не войдетъ со всесожженіемъ (пс. 65, 13),—принесемъ за него и о немъ молитвы къ Тому, предъ Кѣмъ благоговѣютъ всѣ люди и трепещутъ мудрые сердцемъ (Іов. 37, 24), помолимся, дабы Онъ, отпечатлѣвающій на лицѣ книжника славу Свою (Сирах. 10, 5), даровалъ почившему причастіе благъ Своихъ среди сыновъ свѣта.

Рѣчь ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи Н. А. Заозерскаго.

*Благъ законъ Твой (Господи),
Поучуся во оправданіяхъ Твоихъ.
Жива будетъ душа моя
И восхвалитъ Тя (Господи).*

Безмятежнымъ сномъ покоится среди насъ, братіе, любитель и ревнитель закона божественнаго и человѣческаго; отдавъ онъ послѣдній долгъ служенія закону, ко гробу тщится, чтобы отдать гѣло свое родной землѣ, отъ нея же взять бысть, и неотразимо побуждаетъ и насъ отдать ему послѣдній долгъ словомъ любви и признательности ученика къ своему учителю и воспитателю.

Не пространно будетъ слово мое, не будетъ украшаться оно пышными цвѣтами выраженій и яркими образами и картинами хотя бы и грустнаго тона. Слишкомъ важны, слишкомъ строги минуты, переживаемыя нами. А при этомъ еще слишкомъ живо памяти нашей строгое отношеніе почившаго къ слову человѣческому, своему—и другихъ.

Не чуждый любви къ художественному слову, блаженно почившій братъ нашъ,—по преимуществу любилъ простое слово правды, опирающейся на законъ божественный и человѣческій.

Да, въ лицѣ почившаго мы лишились ревниваго любителя права божественнаго и человѣческаго и непобѣдимаго борца за право и законность.

Воспитанникъ старой строгой богословской школы, онъ еще на школьной скамьѣ обнаружилъ влеченіе и талантъ къ изученію Закона Божія и сдѣлавшись потомъ учителемъ его, не ослаблялъ этого влеченія, а только усиливалъ и усиливалъ не мало благопріятствовавшимъ этому обстоятельствомъ служило то, что непосредственнымъ руководителемъ его въ этомъ дѣлѣ явился святитель Филаретъ, знаменитый Іерархъ, глубокими знаніями своими права божественнаго и человѣческаго удивлявшій современниковъ. Воспитываясь въ Законѣ Божіемъ при ногу его, блаженно почившій навсегда уже стяжалъ для себя даръ любви къ закону и праву. И въ послѣдній періодъ жизни своей, посвященной общественной службѣ городу, который любилъ онъ

какъ свой родной городъ, онъ удивлялъ насъ любовію къ изученію закона гражданскаго, погруженіемъ во всё тонкости его: мы были свидѣтелями этой любви, въ бесѣдахъ съ нимъ то соглашась съ нимъ, то препираясь до горячности.

Эта любовь къ изученію закона божественнаго и человѣческаго не была, однако же, только келейнымъ или кабинетнымъ занятіемъ ученаго, доставлявшимъ ему духовное наслажденіе и радость. Онъ былъ не только любителемъ закона, но и борцемъ за право и законъ.

И эта борьба за законъ была подвигомъ его жизни, несравненно болѣе тяжкимъ, нежели его ученое дѣланіе. Это былъ крестъ его, подъятый имъ, который онъ несъ на себѣ до конца, до послѣдняго истощанія.

Недостаетъ намъ ни силы, ни искусства не только взвѣсить тяжесть этого креста, но даже и описать ее, изобразить мужество, которое обнаруживалъ онъ, неся крестъ свой.

Чего,—чего не принесъ онъ въ жертву этому кресту?! Необычайное напряженіе силъ, личныя выгоды, интересы семейныя, удобства жизни, виѣшнія почести. Да, не широкимъ путемъ роскошной и бездѣятельной жизни шелъ онъ и несъ тяжелый крестъ свой, а путемъ узкимъ, труднымъ и скорбнымъ, то взбираясь съ крестомъ своимъ на крутизны, то опускаясь въ низины, на дно жизни, спотыкаясь, изнемогая отъ усталости, въ потѣ лица вкушая хлѣбъ свой, сталкиваясь съ людьми, терпя оскорбленія, нареканія, вмѣсто любви и признательности встрѣчая вражду и злорѣчіе...

Что же стяжалъ ты, блаженно почившій братъ, своимъ тяжелымъ крестомъ? Чѣмъ отдала тебя жизнь за твой подвигъ, за твою ревность о законѣ? Она увѣнчала тебя терновымъ вѣнцомъ.

Но этотъ вѣнецъ—величайшее изъ стяжаній твоихъ. Вѣруемъ мы, что онъ—залогъ дивнаго вѣнца правды, который воздастъ тебѣ Господь, Единый Судія праведный, Которому вѣдомы не дѣла только, но и помышленія, отъ Котораго не таятся ни капли слезы, ни капли пота, незримыя людьми.

Отъ насъ же теперь, въ настоящія минуты, да будетъ напутствіемъ тебѣ въ новую жизнь усердная молитва наша:
да жива будетъ душа твоя и восхвалитъ Господа.

Отъ меня же прими, учитель мой, какъ даръ признательности не краткое слово мое, наоборотъ прости за него, прости за то, что моя скудость сдѣлала его слишкомъ краткимъ и слабымъ. Прими въ немъ то, что единственно тебя достойно—мысль его, что *благъ законъ Твой, Господи, поучуся во отъиданіихъ Твоихъ*. Эта мысль всегда близка была сердцу твоему. И я люблю эту мысль. Не обинуясь скажу, что и я стяжалъ любовь не борца за законъ, какую ты стяжалъ, а любовь изученія закона: и этимъ стяжаніемъ обязанъ я съ иными и тебѣ, какъ учителю и воспитателю, и, быть можетъ, болѣе, чѣмъ инымъ.

Рѣчь преподавателя Законоиспасакаго духовнаго училища С. Д. Левитекаго.

Этотъ гробъ заключаетъ въ себѣ бранные останки моего дорогаго наставника. Чувства любви и глубокаго уваженія, какія я всегда питалъ къ нему, невольно заставляютъ меня почитать его память благодарными воспоминаніями.

Личность П. И-ча переноситъ мою мысль къ золотымъ днямъ моей юности, къ годамъ мысли образованія въ академіи. Да, это были поистинѣ золотые дни моей жизни, совпадающіе вмѣстѣ съ тѣмъ и съ знаменательнымъ моментомъ въ жизни самой академіи. Въ ней еще живъ былъ духъ митрополита Филарета, еще жива была стая свитаго имъ орлинаго гнѣзда профессоровъ, хотя уже и утратившая первыхъ своихъ представителей въ лицѣ П. С. Делицына и Ѳ. А. Голубинскаго; еще не порвана была преемственная связь съ временами ея первобытной исторіи, и научная мысль еще не утратила прежняго характера строгаго аскетизма. Она все еще какъ бы углублялась, сосредоточивалась и воспитывалась въ строгомъ уединеніи, чтобы затѣмъ уже, достаточно укрѣпившись въ самой себѣ, набравшись силами, выступить на арену болѣе открытой и широкой дѣятельности.

П. И-чъ былъ однимъ изъ представителей этой знаменательной академической семьи, главою которой и наиболѣе типичнымъ выразителемъ ея традицій былъ приснопамятный о. ректоръ академіи, А. В. Горскій.

Я не имѣю ни возможности, ни даже смѣлости входить въ какую-либо оцѣнку научной дѣятельности покойнаго. Я могу

только сказать о немъ, какъ профессоръ, котораго я имѣлъ честь слушать, и который былъ моимъ наставникомъ по предметамъ еврейскаго языка и библейской археологiи. И не скажу, чтобы живая, чрезвычайно подвижная мысль П. И-ча могла находить полное умственное удовлетворенiе въ той наукѣ, которую ему пришлось преподавать. Еврейскiй языкъ и Библейская Археологiя—не такіе предметы, которые бы могли давать пищу, соотвѣтствующую складу мышленiя П. И-ча. Чувствовалось, что его живой умъ не укладывался въ неподвижныя рамки сухихъ формъ еврейскаго языка. Но тѣмъ не менѣе и въ этой, крайне для него сухой научной области, въ которой по необходимости вращалась преподавательская дѣятельность П. И-ча, онъ заявилъ себя такимъ умѣлымъ, талантливымъ, многосвѣдущимъ и интереснымъ профессоромъ, что мы съ удовольствiемъ посѣщали его лекціи и стыдились пропускать ихъ. Разнаго рода остроумными и находчивыми сопоставленiями и сближенiями онъ умѣлъ заинтересовывать насъ и внести живой духъ въ сухія мертвыя кости. И при этомъ между профессоромъ и его слушателями установились такія добрыя, искреннiя отношенiя, что мы не чувствовали никакого профессорскаго гнета и относились къ нему не какъ къ недоступному жрецу науки, а скорѣе какъ къ опытному, разумному и доброму руководителю, къ которому мы смѣло обращались за разрѣшенiемъ всякихъ вопросовъ и недоумѣній.

Но я имѣю возможность помянуть словомъ П. И-ча не только какъ профессора, но и какъ вообще человѣка. Онъ не принадлежалъ къ разряду людей, которые, по выраженiю св. писанiя, ни горячи, ни холодны, которые держатся низменной человѣческой, практической мудрости, выражающейся въ принципѣ: „Моя хата съ краю...“, которые съ легкимъ сердцемъ мирятся и съ добродѣтелью и порокомъ и доходятъ до безразличiя между добромъ и зломъ, которые въ словѣ являются краснорѣчивыми и усердными проповѣдниками правды и добра, а на дѣлѣ яркими ихъ гонителями и врагами. Нѣтъ, П. И-чъ былъ не таковъ. Достойный представитель духа и направленiя Филаретовскихъ временъ, онъ являлся яркимъ выразителемъ такихъ нравственныхъ устоевъ, которые прежде всего опредѣляются принципами честности и внутренней чистоплотности. И эти принципы онъ прово-

диль со всѣмъ жаромъ своего горячаго темперамента, иногда, быть можетъ, увлекавшаго его и до нѣкоторыхъ крайностей. Съ стремительною орла налеталъ онъ на всякую нечисть и неправду и казнилъ ихъ и своимъ рѣзкимъ, подчасъ, ѣдкимъ словомъ, и прямымъ энергичнымъ противодѣйствіемъ, безбоязненно иногда защищая правоту дѣла и предъ лицами, власть имѣющими. Понятно, личность съ такою нравственною фізіономіей и съ такимъ направленіемъ въ своей практической дѣятельности не могла нравиться многимъ, и П. И-чъ не могъ имѣть много друзей и поклонниковъ: правда всегда и всѣмъ глаза колетъ, и нужно имѣть большой запасъ мужества, чтобы спокойно выслушивать ее; а П. И-чъ кололъ ею постоянно, и притомъ въ формѣ рѣзкой и часто ѣдкой. За это часто ему приходилось слышать много укоровъ отъ друзей и недруговъ; но я не стану говорить, насколько справедливы эти укоры, я отмѣчу только то, что въ данномъ случаѣ весьма цѣнная, а для нынѣшняго времени особенно поучительная черта въ личности П. И-ча заключается въ слѣдующемъ: если бы въ нашемъ обществѣ было побольше людей типа П. И-ча, стойко и крѣпко держащихъ въ своихъ рукахъ знамя правды и добра и энергически проводящихъ въ самую жизнь эти начала, то у насъ не было бы той духовной нищеты и лѣности, той нравственной дряблости и затхлости, того постоянного пониранія чувствъ законности и порядка, того отсутствія дѣятельной любви и гражданской доблести, чѣмъ тамъ рѣзко характеризуется наше время, о чемъ слышится громкій вопль изъ всѣхъ угловъ нашего дорогого отечества.

Говорятъ, что только лучшія общественныя формы могутъ создавать лучшихъ людей. Не имѣя возможности въ настоящія минуты входить въ болѣе или менѣе обстоятельныя обсужденія этого сложнаго вопроса, я ограничусь здѣсь краткимъ замѣчаніемъ, что съ другой стороны и сами лучшіе, энергичные люди въ свою очередь способствуютъ устраненію отжившихъ общественныхъ формъ и замѣнѣ ихъ лучшими, что безъ нихъ и эти послѣднія были бы мертвымъ капиталомъ, или получили бы ложное направленіе. Нужно, слѣдоват., желать, чтобы у насъ было побольше честныхъ и энергичныхъ дѣятелей, подобныхъ П. И-чу Горскому, которые имѣли бы мужество вскрывать наши общественныя язвы

и быть дѣятельными, честными и нелицемѣрными слугами церкви, престола и отечества. И такихъ людей нужно щадить и беречь, снисходить и самымъ ихъ недостаткамъ ради того свѣта, какой они вносятъ въ общественный мракъ, а не травить ихъ противохристіанской, злобной, клеветнической политикой, какъ это у насъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ.

Дорогой мой наставникъ! Ни твои умственные таланты, ни твои нравственныя доблести не были оцѣнены въ должной мѣрѣ неправеднымъ судомъ человѣческимъ, — надъ немногимъ ты былъ поставленъ; но я вѣрю и надѣюсь, что ты будешь поставленъ тамъ, куда ты въ настоящее время перешолъ, получивши должную оцѣнку у нелицепріятнаго Судии за то, что ты былъ малъ *взрѣкъ* здѣсь. Алчущій и жаждущій правды, ты не достигъ блаженства въ этой жизни, но нужно вѣрить, что ты будешь приобщенъ и насыщенъ за трапезой всещедрого Домовладыки, общаго нашего Отца небснаго.

Вѣчная память тебѣ и миръ праху твоему, дорогой мой наставникъ!

Рѣчь преподавателя Церервинскаго духовнаго училища С. П. Шужова.

Прими мое послѣднее прости, дорогой Павелъ Ивановичъ! Съ прощальнымъ привѣтомъ обращается къ тебѣ бывший своекоштный студентъ тѣхъ дней, когда ты состоялъ инспекторомъ Академіи. Какое это было славное время! Двери академіи были широко открыты для всѣхъ любителей высшаго богословскаго знанія, и духовная молодежь густыми толпами со всѣхъ сторонъ стремилась сюда. Не забуду той высокой чести, какой удостоился нашъ, только что сформировавшійся, 40-й курсъ. Сравнительно съ другими — онъ былъ особенно многолюденъ — насъ было до ста студентовъ — и это было поставлено ему въ заслугу: его пожелалъ видѣть и благословить самъ митрополитъ Макарій, да будетъ благословенно его великое имя! Мы представлялись ему въ актовомъ залѣ академіи. Выразивъ свое удовольствіе при видѣ такого множества юныхъ слушателей, Владыка обратился къ намъ съ призывомъ посвящать себя послѣ.

окончанія образованія на служеніе Церкви, нуждающейся въ образованныхъ пастыряхъ.

Съ такимъ Архипастырскимъ привѣтомъ мы начали свою студенческую жизнь. И тотъ духъ, котораго былъ исполненъ Архипастырь, почиваль и на тебѣ, дорогой Павелъ Ивановичъ: и ты глубоко сочувственно смотрѣлъ на стремленіе духовнаго юношества въ Академію. И ты, подобно Архипастырю,—оставилъ въ насъ свѣтлую о себѣ память.

Ты былъ призванъ не только вводить юныхъ слушателей въ область высшаго знанія, но и въ извѣстномъ смыслѣ руководить ихъ жизнью. Ты былъ нашимъ инспекторомъ. Ты imponировалъ намъ своимъ удивительнымъ знаніемъ всѣхъ событій нашей жизни. Ты помнилъ ихъ лучше, чѣмъ мы сами. Сколько разъ случалось, что ты въ бесѣдѣ съ студентомъ напоминалъ ему то, о чемъ онъ давно забылъ. Или то, что онъ тщательно скрывалъ отъ постороннихъ глазъ и былъ увѣренъ, что достигъ своей цѣли. Ты производилъ на насъ впечатлѣніе и своимъ сильнымъ словомъ, предъ которымъ часто въ прахъ разлетались всѣ наши доводы, вся наша защита. И при всемъ томъ ты не любилъ входить съ нами въ недѣловые разговоры и не потакалъ нашимъ слабостямъ. Ты былъ и навидь строгій и даже нѣсколько суровый инспекторъ, котораго, повидимому, можно было бояться, въ лучшемъ случаѣ уважать, но не любить. И всетаки многіе будутъ вспоминать тебя съ чувствами благодарности и расположенія. Не помню я, чтобы въ теченіе тѣхъ четырехъ лѣтъ, которыя я провелъ въ Академіи, кто-нибудь изъ студентовъ подвергся строгой карѣ или былъ вовсе удаленъ изъ академіи, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, кто самъ усиленно добивался взыскаія или увольненія. Вскорѣ по окончаніи Академіи мнѣ пришлось выслушать изъ устъ одного высокопоставленнаго лица даже упрекъ по адресу студентовъ Моск. академіи за ихъ будто бы распущенность и своеволие. Да, въ наши дни студентъ былъ живой личностью и могъ въ разныхъ формахъ проявлять свою самодѣятельность. У насъ былъ прекрасный оркестръ, прекрасный свѣтскій хоръ. Мы часто устраивали лично для себя вокально-музыкальные концерты. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ по субботамъ кружкомъ студентовъ 39-го курса читались рефераты по разнымъ отраслямъ научнаго

знанія. На этихъ чтеніяхъ, заключавшихся всегда оживленными преніями, могли свободно присутствовать всѣ прочіе студенты. Въ наши же дни были открыты такъ называемая читательная комната и, съ цѣлю оказанія помощи бѣднымъ студентамъ, складъ разныхъ вещей студенческаго обихода. Зналъ и вѣдалъ обо всемъ этомъ нашъ строгій инспекторъ и никогда не заносилъ своей руки на эти студенческія мѣропріятія. Онъ былъ благожелательный и мудрый человѣкъ, хорошо понимавшій, что съ лишеніемъ простора и самодѣятельности молодая сила скорѣе вступятъ на путь недовольства и протеста. И что онъ былъ другомъ студентовъ, это сказалось еще въ другое, болѣе позднее время, когда онъ пересталъ быть инспекторомъ Академіи. Со введеніемъ въ 1884—5 г.г. новаго академическаго устава той многочисленности студентовъ, которая радовала и утѣшала митр. Макарія, пришелъ конецъ. Студентамъ было запрещено жить внѣ академіи и своекоштныхъ студентовъ не стало. Не ты ли, дорогой Павелъ Ивановичъ, первый пожалѣлъ объ этомъ, не ты ли осмѣлился, не взирая ни на какія препятствія, печатно сказать сильное и горячее слово въ защиту своекоштныхъ студентовъ.

Прими же нашу сердечную благодарность, нашъ другъ и защитникъ. Да чтить и помнить тебя наше студенчество, которое ты такъ сильно и такъ славно защищаль!

Рѣчь о. законоучителя Александровскаго Военнаго Училища священника Н. П. Доброураова.

Дорогой наставникъ!

Незабвенный Павелъ Ивановичъ!

Прежде чѣмъ дать тебѣ послѣднее цѣлованіе, позволь и мнѣ, твоему ученику, еще разъ отмѣтить хотя нѣкоторыя черты твоего духовнаго облика, напомнить хотя немногое изъ того хорошаго, что ты вѣщаль своимъ словомъ и жизнію. И я скажу, что выше всего ты ставилъ честность и правдивость. Ничто такъ не возмущало твоей благородной души, какъ ложь во всякихъ ея проявленіяхъ. Но за то и умѣлъ ты разоблачать ложь, какъ искусно она ни скрывалась, какой бы благовидный образъ лицемѣрно ни принимала! Ты былъ здѣсь неустрашимъ. Твое смѣлое, мѣткое.

острое слово жгло насквозь, и неудивительно, что всякая человеческая низость боялась подпасть подъ твой безпощадный для нея бичъ, таясь въ темныхъ щеляхъ... Честный самъ, какъ ты глубоко страдалъ, когда видѣлъ, что неправда беретъ перевѣсъ передъ правдой! Искренно желающій блага всѣмъ, какъ ты мучился, когда тѣмъ или инымъ благимъ начинаніямъ ставились преграды! Отзывчивый ко всему свѣтлomu, ты всегда былъ готовъ послужить всякому добродѣлу, какъ только могъ,—печатнымъ ли то словомъ или личнымъ трудомъ. Общественные интересы ты ставилъ выше корыстныхъ, эгонстическихъ разсчетовъ, и потрудиться на общее благо считалъ высшимъ для себя наслажденіемъ. Тогда ты весь уходилъ въ работу,—ею только и жилъ, объ ней только и думалъ, лично себѣ не ожидая никакой пользы, а нерѣдко навлекая на себя крупныя непріятности. Въ своей честности ты оставался непоколебимъ, и никакими внѣшними давленіями нельзя было заставить тебя отказаться отъ твоихъ убѣжденій.

Говорить ли о тебѣ, какъ о профессорѣ? Кому не извѣстна твоя ученость, не замкнутая въ предѣлы узкой спеціальности. а поражающая своею разносторонностію? Но и въ наукѣ ты также удивлялъ своимъ мастерствомъ добираться до истины и какимъ то особымъ умѣньемъ разоблачать ложную ученость, выставляя ее во всей ея неприглядности. Всѣ знаютъ, какимъ опаснымъ ты былъ критикомъ.—А твой преподавательскій талантъ! Твои ученики до сихъ поръ вспоминаютъ съ какою живостію и ясностію ты умѣлъ говорить о сухихъ и запутанныхъ предметахъ.

Говорить ли о тебѣ, какъ объ инспекторѣ студентовъ? Теперь уже настало время, когда твои бывшіе питомцы оцѣнивають по достоинству твое справедливое и тактичное обращеніе съ учащеюся молодежью.

И вотъ тебя не стало!... Грустно, тяжело на душѣ!.. Смолкло правдивое слово! Рѣдѣютъ ряды честныхъ, полезныхъ дѣятелей... Дай Богъ, чтобы на смѣну имъ появлялись новыя, столь же сильныя духомъ.

Прощай же незабвенный наставникъ! Вниди въ радость Господа твоего!

Во время поминальнаго обѣда сыномъ покойнаго С. П. Горскимъ была произнесена слѣдующая рѣчь.

Ваше Преосвященство!

Позвольте мнѣ отъ лица всей нашей семьи принести Вамъ и всѣмъ здѣсь присутствующимъ глубочайшую благодарность за то вниманіе, которымъ Вы почтили память моего отца.

Вмѣстѣ съ этимъ я чувствую неодолимую нравственную потребность сказать о немъ еще нѣсколько словъ, именно отмѣтить то обстоятельство, что покойный отецъ мой, будучи работникомъ на нивѣ науки и общественнаго служенія, находилъ въ себѣ, кромѣ того, еще достаточно силъ и для служенія своей семьѣ.

Убѣжденный сторонникъ средней и высшей духовной школы, въ ней одной видѣвшій вѣрный залогъ широкаго и всесторонняго развитія ума и личности человѣка, онъ лучшіе годы своей жизни посвятилъ подготовкѣ насъ, его сыновей, къ вступленію въ эту школу. Съ другой стороны, не находя въ женской средней школѣ достаточно благопріятныхъ условій для такого же широкаго развитія личности, онъ взялъ на себя непомерно огромный трудъ—дать полное образованіе своимъ дочерямъ, не прибѣгая для того къ услугамъ женскихъ учебныхъ заведеній.

И кто зналъ его ближе, кто имѣлъ случай видать его въ его интимной жизни, тотъ только можетъ сказать, какъ много времени, свободнаго отъ служенія наукъ и обществу, онъ посвящалъ въ пользу насъ, его семьи.

Какая это была гигантская работа! И эту работу, которую большинство отцовъ возлагаетъ на плечи наемныхъ людей, боясь не вынести ея тяжести, онъ не усомнился поднять одинъ, отказавшись даже для этого отъ всѣхъ выгодъ, всѣхъ преимуществъ, которыя могло доставить ему исключительное служеніе кабинетной наукѣ.

Многимъ, я знаю, казалось непонятнымъ, что онъ, обладая всѣми научными ресурсами для того, чтобы ученымъ трудомъ доставить себѣ привилегированное положеніе въ академической средѣ, отказался отъ этого. А это происходило оттого, что за работой на пользу семьи онъ совер-

шенно не замѣчалъ себя и находилъ въ себѣ силы для семьи отказаться отъ личныхъ благъ.

Пусть же это мое слабое слово будетъ для него хотя сколько-нибудь наградой отъ всей нашей семьи, до глубины души признательной ему за всѣ труды, которые онъ под-
нялъ для нея!

Миръ праху его и вѣчная, вѣчная память!

Семьей почившаго была получена слѣдующая сочувствен-
ная телеграмма отъ учениковъ и почитателей покойнаго.

Молитвенно помянувъ приснопамятнаго Павла Ивановича бывшіе его слушатели и почитатели, служащіе въ Пензѣ, выражаютъ искреннее соболѣзнованіе супругѣ и дѣтямъ почившаго въ ихъ горѣ и великой потерѣ.

П. Тихомировъ.
